

УДК 82(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-163-173

Юрий Казаков как сценарист: рассказ «Манька» и одноименный авторский сценарий

Галина В. Зыкова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gzykova@mail.ru*

Юнь Лю

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; liyun0209@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет обнаруженный в фонде «Мосфильма» (РГАЛИ) неизвестный сценарий Ю.П. Казакова «Манька» (1959), версию известного рассказа, – первый опыт писателя в жанре сценария и, видимо, один из немногих у Казакова полностью самостоятельных сценариев. Наблюдения над стилем сценария, отличным от стиля одноименного рассказа (в сценарии находим обилие тропов, большее количество описаний разного рода, иной ритм) позволяют прийти к выводу, что форма сценария, видимо, воспринималась тогда молодым автором как особая художественная возможность, альтернатива рассказу.

Известно, что «Мосфильм» потребовал от Казакова внести в сценарий изменения и в итоге все-таки отказался от съемок фильма; в статье приводится текст официального письма Казакову, где ясно указываются причины отклонения сценария: изображение любви как «чисто биологического процесса». В статье показано, что именно в сценарии могло восприниматься как выходящее за рамки возможного в советском кинематографе.

Ключевые слова: Юрий Казаков; рассказ «Манька»; сценарий «Манька»; экранизация; Мосфильм

Для цитирования: Зыкова Г.В., Юнь Лю. Юрий Казаков как сценарист: рассказ «Манька» и одноименный авторский сценарий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 163–173. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-163-173

Yuri Kazakov as a screenwriter: the story “Man’ka” and its screenplay adaptation

Galina V. Zykova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

gzykova@mail.ru

Yun Liu

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

liuyun0209@gmail.com

Abstract. The article presents Yu. Kazakov’s unknown script “Man’ka” (1959), discovered in the papers of Mosfilm in Russian State Archive of Literature and Arts. It is a version of a well-known story, the writer’s first attempt in the screenplay genre and, apparently, one of the few completely independent scripts Kazakov has done. Observations on the style of the script, which differs from the style of the story of the same name (in the script we find abundance of tropes, a larger number of descriptions of various kinds, a different rhythm) allow to conclude that the form of the script was seemingly perceived by the young author at that time as a special artistic opportunity, an alternative to the story.

It is known that Mosfilm demanded that Kazakov make changes to the script and eventually refused to shoot the film; the article provides the text of an official letter to Kazakov, which clearly states the reasons for rejecting the script: the depiction of love as a “purely biological process”. The article shows exactly what in the script could be perceived as beyond the scope of what was permissible in Soviet cinema.

Keywords: Yuri Kazakov; short story “Man’ka”; script “Man’ka”; screen adaptation; Mosfilm

For citation: Zykova, G.V. and Yun, Liu (2025), “Yuri Kazakov as a screenwriter: the story ‘Man’ka’ and its screenplay adaptation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 163–173, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-163-173

Замечательный прозаик Ю.П. Казаков в 1979 г. сказал в интервью, что если бы не было рассказа, то сценарий для него был бы лучшим способом выражения. Однако исследований о сценариях в творчестве Казакова практически нет; отмечалась, впрочем, кинематографичность прозы как особенность ее поэтики [Савина 1998; Иванов 2002; Егнинова 2006], отчасти объясняющая появление значительного количества экranizаций и сценических адаптаций:

«небольшой состав действующих лиц, лаконично скомпонованное действие, особый отбор и усиленная концентрация изобразительных средств» [Саввина 1998, с. 29], «элементы монтажного построения», в частности, в рассказе «Голубое и зеленое» [Егнинова 2006, с. 110].

До сих пор не обнаружен и, возможно, не сохранился (а может, и не фиксировался письменно) сценарий фильма «Голубое и зеленое» (1970), в титрах которого Казаков обозначен как единственный сценарист. В титрах экранизаций других его произведений – «Король манежа» (1969), «Великий самоед» (1982) – Казаков как сценарист указан вместе с соавторами, и степень его действительного участия в работе неизвестна¹.

Единственный сценарий, о котором Казаков прямо свидетельствует как о собственном произведении от начала до конца, – это первая попытка обращения писателя к жанру, адаптация рассказа «Манька» (опубликованного в 1958 г.). Сценарий «Маньки» – единственный, который при жизни Казакова не удалось реализовать на экране, несмотря на упорные попытки автора этого добиться (см., например: [Конецкий 1987, с. 476]).

История появления идеи сценария и дальнейшие мытарства его автора известны. В 1958 г. Казакова попросил адаптировать рассказ для экрана студент ВГИКа Ю.А. Файт, который хотел снять фильм «Манька» в качестве дипломной работы. По требованию «Мосфильма» Казаков переделывал сценарий, о чем в январе 1960 г. он закончил вторую версию сценария, о чем упоминал в письме Паустовскому: «...на днях сдам на “Мосфильм”, а потом начнутся настоящие муки, я думаю – переделки всякие, придиরки»². Окончательный отказ снимать фильм по его сценарию Казаков получил в апреле 1960 г. Процитируем не опубликовавшееся ранее письмо:

К большому сожалению, критические замечания и творческие пожелания, высказанные на обсуждении первого варианта в редакторском отделе и в беседах с т.т. М. Роммом, С. Антоновым и И. Маневичем, в основном остались невыполнеными Вами и во втором варианте.

Сейчас, как и прежде, история взаимоотношений Маньки и Перифilia решается как процесс чисто биологический...³

¹ Заметим, что в фонде Казакова в РГАЛИ сохранилась беловая машинопись фрагмента сценария по рассказу «Тедди» (финальное название экранизации – «Король манежа»); архивисты атрибутировали ее самому писателю (ф. 3572, оп. 1, ед. хр. 18).

² Казаков Ю.П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 2011. С. 341.

³ РГАЛИ. Ф. 3572. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 4: Письмо Ю.П. Казакову от киностудии «Мосфильм» // Письма и телеграмма издательств «Накадули»

До недавнего времени текст сценария Казакова никогда не цитировался, не обсуждался и, видимо, считался потерянным. В 2022 г. Дмитрий Шеваров, автор нескольких глубоких работ о Казакове, напечатал заметку, где, не указывая деталей, сообщил, что Юрий Файт нашел сценарий «Маньки» в РГАЛИ⁴; Шеваров привел небольшой фрагмент и очень высоко оценил текст:

Прочитав сценарий «Манька», я вдруг увидел, что это не... сценарий. Во всяком случае – не только сценарий. Юрий Павлович Казаков написал на сюжет «Маньки» новый рассказ!.. тот очень редкий случай, когда киносценарий в художественном отношении превосходит свой первоисточник.

Прочитав эту заметку, мы стали искать сценарий в РГАЛИ сами и нашли его в фонде «Мосфильма»: это машинопись, занимающая 34 страницы (т. е. она существенно больше рассказа) и датированная 1959 г.⁵ Текст назван «литературным сценарием»: это жанровое определение допускает относительную свободу, автор имеет право не ограничиваться только указаниями для оператора.

Понятно, что неизвестный текст большого писателя представляет ценность сам по себе; его публикация представляется необходимой, но здесь решение, разумеется, за правообладателями. Мы же ограничимся попыткой описать, во-первых, то, как развивается у Казакова замысел в условиях другой жанровой формы; сравнение текстов рассказа и сценария позволяет понять, в чем писатель видел специфику сценария как формы, альтернативной рассказу. Кроме того, обнаружившийся сценарий позволяет оценить причины претензий «Мосфильма», понять, почему сюжет, оказавшийся с точки зрения редактора и цензора

(Тбилиси), «Литература артистикэ» (Кишинёв), журнала «Наш современник», Правления СП РСФСР, киностудии «Мосфильм», Ярославской областной филармонии и др. Ю.П. Казакову об издании его произведений, с приглашениями принять участие в заседаниях и др.

⁴ Шеваров Д.Г. Юрий Казаков и нереализованный сценарий // Российская газета. 2022. 3 авг. № 170. URL: <https://rg.ru/2022/08/03/iurij-iulik-i-manka.html> (дата обращения 25.04.2025).

⁵ РГАЛИ. Ф. 2453 (Мосфильм). Оп. 4. Ед. хр. 1231. 35 л.: Казаков Ю.П. Манька: Литературный сценарий короткометражного фильма.

⁶ Заметим, однако, что – хотя «Маньку» Казакову удалось напечатать в том же 1958 г., в котором она была написана, – все-таки некоторые трудности с ее публикацией были: первоначально рассказ был отдан в журнал «Знамя», а в письме Конецкому от 15 апреля Казаков жаловался, что

приемлемым для рассказа⁶, оказался неподцензурным при расчете на другую, потенциально более широкую, чем у художественной прозы, аудиторию.

То, что сюжет рассказа и его героиня не отпускали Казакова и после публикации текста, вне зависимости от заказа Файта, видно по дневниковым записям его очередной поездки на Север летом 1958 г. и по письмам этого времени.

Так, в сценарии (в отличие от рассказа) первое появление Маньки происходит на судне, идущем в Золотицу. Здесь, возможно, отразились впечатления от встречи с незнакомой девушкой на пароходе, шедшем из Архангельска через Золотицу в Мезень; в сентябре 1958 г. Казаков писал об этой встрече Т.А. Жирмунской:

...<Н>а пароходе ехала девушка одна, я заметил ее еще в Архангельске <...> такие глаза, как у нее, – редкость великая, даже трудно подыскать определение: ленивые, странные, сумрачные, загадочные... все не то! Они такого, знаешь, лиловатого цвета, с темными длинными ресницами, м. б., тут ресницы играют роль, черт ее знает <...> сумрачная загадочность, как, м. б., у Маньки моей, я примерно такими воображал глаза Маньки, только зелеными, а у этой – фиолетовые⁷.

В сценарии Казаков передает чувства, которые он испытал при встрече с девушкой и описал Жирмунской, новому персонажу – капитану мотодоры, а портретная деталь – глаза героини – станет в сценарии еще более важной, чем в рассказе:

Она не любит спрашивать вслух. Спрашивает она глазами. <...> Лицо ее тонко и крошечно. Хотя оно только кажется таким из-за огромных ее глаз. А глаза эти ленивы. <...> Зря я ее взял, пусть бы шла себе... Глаза у нее невероятные⁸.

Из дневниковых записей в сценарий переходят описания пейзажа:

редактор С.Д. Разумовская «очень сомневается в его опубликовании. Тут уж я струхнул по-настоящему, т. е. прямо ужаснулся. Если “Манька” вызывает такое к себе отношение при той оптимистичности, которая в ней заключена, то что ж дальше-то? Чего им надо? И чего дальше писать, в каком духе?» [Конецкий 1987, с. 453]. Журнал «Знамя» действительно отказал, но рассказ взял журнал «Крестьянка».

⁷ Казаков Ю.П. Собрание сочинений. Т. 3. С. 374.

⁸ Казаков Ю.П. Манька: Литературный сценарий короткометражного фильма. С. 2, 5, 8.

Один раз, когда я отдыхал, мне показалось краем глаза, что к берегу бегут не волны, а мчатся люди в карбасах и поют гимн (шум моря), бесконечные полчища людей в карбасах, поющие гимн (18 сентября 1958 г.)⁹.

Такой же гимн, который символизирует гармонию природы и человека, слушает Манька:

Берег моря. Идет по нему Манька. Волны накатываются ей под ноги, будто поют непрерывную песнь, будто тысячи карбасов набегают на берег – карбасов, полных людьми, поющими гимн. Или будто окликают ее по имени¹⁰.

Заметим, что здесь, как и во многих других эпизодах нового текста, Казаков решает скорее собственно художественную задачу развития замысла, *литературного* изображения мира, а не задачу экранизации: такой троп (волны как карбасы) вряд ли возможно передать на экране, в качестве указания режиссеру или оператору это воспринять трудно. Возможно, такое уклонение от собственно сценарных технических задач, а не только «несоветская» эротичность, повлияли на решение «Мосфильма» отказаться от работы с Казаковым.

Тропов, для которых трудно найти соответствия на языке кино, в сценарии вообще появляется много, их больше, чем в тексте рассказа:

маленькие березы, странно похожие на яблони¹¹;

Широко расставленные крепкие ноги в броднях. Как столбы, на которых держится небо (5);

Как будто ресницы у нее тяжелые, из меди выкованы (7);

насупленный берег (8);

Лицо его хищно и радостно. Чем-то напоминает он ястреба на копне в поле... (9);

Голос ее долг, низок, слегка хриповат от ветра. Это как потрескавшиеся юные губы (9);

...неся письма, как милые крики друзей (12);

Деревня спит, устали люди, полегли. И как их сны, глубоки тени от бань... (13);

⁹ Казаков Ю.П. Собрание сочинений. Т. 3. С. 297.

¹⁰ Казаков Ю.П. Манька: Литературный сценарий короткометражного фильма. С. 11.

¹¹ Там же. С. 1. Далее в круглых скобках указывается страница сценария.

Тлеет за окошками белая ночь (18);

Как падающая звезда, проходит северное лето (18);

Теперь там молча и страшно двигаются столбы северного сияния.

Это всегда к перемене погоды – уверяют старые рыбаки. Сияние не вошло еще в полную свою силу, слишком рано для него. Пока оно похоже на свет прожекторов во время салюта. Такие же столбы света. И так же бродят, перемещаются, отыскивая что-то в холодном темном небе (24);

В мутную мглу быстро, как рыба, опускается вторая фигура (28);

Идет какой-то лесовоз. Может быть, аргентинский. А может быть, местный мотобот. Или зверобойная шкуна (24).

Предполагаемые собственно технические задачи сценария – необходимость превратить повествование в последовательность отдельных кадров – повлияла на синтаксис (например, появление большого количества назывных предложений), средний размер фразы, употребление глаголов настоящего времени, разделение на абзацы, – то есть на *ритм* прозы Казакова, который и им самим, и его читателями всегда воспринимался как важнейший уровень текста.

Иногда воображаемая смена кадров и планов прямо предполагается текстом сценария:

Мотобот подходит к тоне Воронье. Насупленный берег, высокие скалы. Внизу у самой воды избушка. Идет из трубы легкий дымок. На вешалах сушатся сети. Два карбаса на берегу. И в море – две ловушки, два семужных тайника (8).

Но нередко членение текста не подчиняется только техническим сценарным задачам:

Все выше поднимается он в скалы. И вместе с ним поднимается море. И вот он на самом верху, выше него только птицы, только небо. Обрываются вниз скалы. Лепятся по уступам крохотные искривленные березки. Крошечен внизу дом, крохотны карбасы на берегу. Огромно, пустынно море, а горизонт его, отодвинувшийся, наверно, на сотню километров, дрожит в мареве воздушных течений (10–11).

Можно предположить, что язык сценария, предлагающего визуализацию всего происходящего, начинает пониматься у Казакова как более экспрессивный, по сравнению с повествованием в традиционных литературных жанрах, – а сама форма сценария как пространство художественного эксперимента, как дополнительная возможность выбора.

В сценарии «Маньки» больше, чем в рассказе, обращений не только к видимому, но и к воспринимаемому другими органами чувств, к тому, чего нельзя передать на экране, например, к запахам: «Водоросли крепко пахнут. Всё пахнет морем при свежем ветре» (1). Развиваясь в сценарии, сюжет рассказа о зарождении любви, о превращении девочки в женщину превращается в сюжет о чувственном восприятии мира. Это предполагает, в частности, появление в сценарии новых, по сравнению с рассказом, деталей.

В рассказе история любви Перфилия и второстепенной героини Ленки представлена в двух фразах, охватывающих события нескольких месяцев. В сценарии этим фразам соответствуют три отдельных эпизода:

— А тебе опять записка, — говорит ему Манька. <...>

...сейчас будет читать, что написала Ленка. Он полезет для этого в скалы: там хорошо читать и думать, глядя вниз на море. <...>

«Золотой мой, желанный... Не могу я больше, невтерпеж мне!

Приеду сегодня вечером с доркой. Люблю тебя, будем опять ночью зубаток бить. Зацелую тебя насмерть!» (10–11)

Сцена свидания Перфилия и Ленки в море, совмещающая описание любви и охоты с острогой, так подробна, дана с таким эмоциональным напором, что претендует, видимо, на роль кульминации (одной из двух в сценарии):

Длинный, длинный день наконец кончился, и вот пришла белая ночь. Но ее просто так называют – белая ночь – на самом деле она розовая, золотистая ночь. И опять тоня Воронья – всё то же, только темнее, неподвижнее скалы, только уснули птицы на камнях, уснули рыбаки в избе, только серебристее высочайшие, нежнейшие облака. Белая ночь...

Море спит. Море покрылось воспоминаниями – не туманом, нет! – не мраком, а духом: густым спокойным воздухом. Море не шелохнется, и волны не накатываются на берег, а простираются. Поднимется вода, с тихим шепотом надвинется на песок, побудет секунду в полном покое и отойдет. Это как вздох, как улыбка солнного.

Время отлива. Камни высоко выступили над водой. А вода чиста и светла. Она светится изнутри. Наверное, солнце, стоящее за горизонтом, стерегущее кого-то, просвещивает насквозь выпуклую громаду моря. И вот оно светится, даже здесь у берега, у камней.

И плывет среди камней баркас. Сидит на веслах Ленка – вся животворящая, как весенняя дурманящая земля. Кругла она и тонка в талии, грудь ее туга и остра, губы вспухли от поцелуев, глаза провалились, окружены темным сиянием блаженной усталости

Неслышно опускает она весла в воду, неслышно вынимает, держит на весу. С лопастей весел капает, а на шелковой воде появляются воронки.

На носу карбаса на одном колене стоит Перфилий с острогой в руке. Он смотрит на воду. Хищность и трепет на его лице. Губы его потрескались.

И вот он предостерегающе поднимает левую руку. Ленка замирает, раскрыв рот, ждет. Как древняя женщина на древнего охотника, смотрит она на Перфилия. Перфилий, подавшись вперед, медленно отводит назад острогу, бьет в глубину и тотчас тащит вверх уже не пустую острогу, а вздрагивающую, живую. И вот фонтан брызг, плеск в тишине – бьется на остроге большая зубатка, похожая на тритона без лап.

Перфилий поворачивается, стряхивает ее на дно карбаса к другим таким же зубаткам, и те, молчавшие минуту назад, все начинают живуче биться, извиваясь, шлепая мокрыми хвостами, хватая друг друга зубами.

Ленка смеется. У нее хриплый первобытный смех. Перфилий кладет острогу, перебирается на корму. Ленка откидывается, стонет. Перфилий жадно хватает ее, перегибает навзничь через борт, наваливается... «Утопиши, дурной!» – хочет сказать Ленка, но уж губы с губами и получается:

– Утопифф, дуффной... (12–13).

В третьем эпизоде повествовательная перспектива возвращается от Перфилия к Маньке. Манька оказывается случайным свидетелем любовного свидания, и это помогает ей понять собственные чувства. В рассказе важная сцена, которая продвигает главный сюжет, – это особенный сон Маньки («...Под утро ей приснился вдруг Перфилий. Ярок, необычен и стыден был этот предрассветный сон...»¹²); в сценарии упоминание о сне заменяется событиями, происходящими наяву:

И вот Манька слышит внизу. Она ничего не видит, не смеет, только слышит внизу:

– Пусти! Ах! Пусти, пусти!.. – просит Ленка. Но так просит, будто говорит: «Ах, поцелуй же меня!»

– Тихо ты!.. – бормочет Перфилий.

– М-м... – говорит что-то Ленка с закрытым ртом. Слышен звук поцелуя. Что-то мягкое бьется о стену избы. Ленка стонет. И опять поцелуй.

¹² Казаков Ю.П. Манька // Казаков Ю.П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М., 2008. С. 82.

— Уймись же! — просит Ленка. — Услышат... Манька услышит. Ой, что это ты!..

— Спит... спит... спит Манька, — говорит чем-то занятый Перфилий. Он так это говорит, как будто трудное что-то делает и о Маньке не думает, ни о чём не думает, только о том, что делает сейчас.

А внизу бьются двое, насмерть бьются, крепко, сильно — руки у них мощные, ноги мощные, шеи мощные, тела тугие, сильные, гибкие — трудно одолеть им друг друга (14–15).

Такая эротичность выходила за пределы возможного в советском кино этого времени.

«Манька» все же была экранизирована, но только в 1984 г., уже после смерти писателя (в выходных данных названы и «Мосфильм», и «Ленфильм»). В качестве сценариста была указана Елена Райская, однако версия Казакова, как можно заметить по отдельным эпизодам (например, по сцене свидания, свидетельницей которого оказывается главная героиня), была все же отчасти учтена. Показан публике фильм был, однако, только в 1988 г., когда стали меняться представления о допустимом на экране (как раз в этом году был снят знаковый фильм «Маленькая Вера»).

Literatura

- Егнинова 2006 — Егнинова Н.Е. Рассказы Ю.П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: Бурятский государственный ун-т, 2006. 174 с.
- Иванов 2002 — Иванов А.П. Поэтика рассказов Юрия Казакова: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Литературный ин-т, 2002. 149 с.
- Конецкий 1987 — Конецкий В. О Юрии Казакове // Конецкий В. Ледовые брызги: Из дневников писателя. Л.: Советский писатель, 1987. С. 440–542.
- Саввина 1998 — Саввина Г.А. Эволюция образа автора в творчестве Ю. Казакова: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 1998. 245 с.

References

- Egninova, N.E. (2006), *Rasskazy Yu.P. Kazakova v kontekste traditsii russkoi ornamental'noi prozy* [Short stories by Yu.P. Kazakov in the context of the traditions of Russian ornamental prose], Ph.D. Thesis (Philology), Buryatskii gosudarstvennyi universitet, Ulan-Ude, Russia.
- Ivanov, A.P. (2002), *Poetika rasskazov Yurya Kazakova* [The poetics of Yuri Kazakov's short stories], Ph.D. Thesis (Philology), Literaturnyi institut, Moscow, Russia.

Konetskii, V.V. (1987), "About Yuri Kazakov", in Konetskii V. *Ledovye bryzgi: Iz dnevnikov pisatelya* [Ice spray. From the diaries of a writer], Sovetskii pisatel', Leningrad, USSR, pp. 440–542.

Savvina, G.A. (1998), *Evolyutsiya obrazov avtora v tvorchestve Yu. Kazakova* [The evolution of the author's image in Yu. Kazakov' work], Ph.D. Thesis (Philology), Astrakhan', Russia.

Информация об авторах

Галина В. Зыкова, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; gzykova@mail.ru

Юнь Лю, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; liuyun0209@gmail.com

Information about the authors

Galina V. Zykova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; gzykova@mail.ru

Yun Liu, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; liuyun0209@gmail.com